

В МИРЕ СОВЕТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛА ¹

Карл Роджерс

"Ты слишком давишь. Ты мне не нравишься!"

"Моя жена и я часто ссоримся"

"Ваш директор забрал у нас часть мест"

"Вы лжете!"

"Я думаю, что Вас (Карл) подкупили, чтобы Вы сказали это!"

"Никто не посочувствует тому, насколько тяжело быть учителем"

"Я почти полностью изолирован от своего сына от первого брака"

"На самом деле я не знаю, кто я есть"

"Мне нравится молчаливая жена, которая лишь подает мне еду. Конечно же, я шучу"

"Вы просто завидуете им!"

"Я думаю, что на самом деле ни один из нас не говорит, что он чувствует"

Эти высказывания отобраны из первых сессий двух интенсивных семинаров. Где же проводились эти группы - в Калифорнии, Бразилии, Италии? Нет, это были две группы профессионалов - психологов, педагогов, ученых, - проведенные в Москве и Тбилиси, городе, расположенном в южной части Советского Союза.

Как же все это произошло? Как часто бывает, всему предшествовала большая напряженная и продуманная подготовительная работа. Рут Сэнфорд знала, что я хотел встретиться с группами в Советском Союзе. Она знала также, что говорящий по-русски и имевший много контактов в России Фрэнсис Мейси из Ассоциации Гуманистической Психологии занимался организацией американско-советских обменов. После бесплодных поисков Рут случайно встретила Фрэнсиса в Москве, где она была в туристической поездке, и они незамедлительно начали строить планы нашей совместной поездки втроем в Советский Союз. Затем последовал уже ряд усилий, предпринятых Мейси и увенчавшихся приглашением Министерства образования, приглашением, спонсированным д-ром Алексеем Матюшкиным, пригласившим Карла Роджерса, Рут Сэнфорд и Фрэнсиса Мейси провести семинары в Москве и Тбилиси с оплатой всех расходов в стране пребывания за счет советской стороны. Это приглашение было датировано 3 июня 1986 года, а рабочими днями были числа с 25 сентября по 15 октября 1986 года. К тому времени Руг и я уже отправили очень детальные описания того, что мы хотели делать, преимущественный акцент был сделан на интенсивных пяти- или шестидневных семинарах в каждом городе с участием не более 30 заранее отобранных человек, предполагалось провести также публичные встречи с приглашением всех желающих. Темы семинаров были предложены и Институтом² общей и педагогической психологии, директором которого является д-р Матюшкин, и нами. Акцент в этих темах был сделан на гуманистическом образовании, индивидуализированном обучении и методах стимулирования креативности. Мы с трудом могли поверить, что эти две последние темы были интересны советским официальным лицам, но именно так

обстояло дело.

ПУБЛИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Хотя для нас высшим приоритетом были эти интенсивные группы, некоторые публичные встречи заслуживают внимания. Первая из них была организована д-ром Матюшкиным в аудитории его института, вмещающей триста пятьдесят человек. Примерно сорок или пятьдесят человек, не вместившихся в эту аудиторию, находились в другой комнате. Рут и я говорили так, как мы привыкли, по очереди, передавая слово друг другу; все сказанное нами переводилось на русский язык Димой и Ириной, нашими преданными и добросовестными переводчиками.

Мы объяснили, что существует возможность демонстрационного терапевтического интервью, чему собравшиеся были рады. Во время короткого перерыва Рут отобрала клиента из числа добровольцев, и я провел интервью. Оно не было простым. Говорившая по-английски клиентка и я сидели друг против друга на сцене, у каждого из нас был микрофон. За нами стояли переводчики, переводившие каждое предложение на русский язык. Все это казалось настолько искусственным, что трудно поверить, насколько интенсивным и глубоким было такое интервью. Женщина-клиент говорила о своих трудностях в отношениях с мужем и семнадцатилетним сыном и о своих отношениях с матерью. Несмотря на то, что она взрослая женщина, она все еще чувствует себя зависимой от своей матери, боится ее, опасается отстаивать себя в отношениях с ней. В своей жизни она по большей части вполне успешна, но приходя к себе домой, туда, где живет ее мать, она оказывается почти полностью зажатой и парализованной. Она боится, что рано или поздно взорвется. Я стремился быть ее понимающим спутником по мере того, как она исследовала свои отношения и свое Я. К концу интервью она стала, по крайней мере, более обстоятельной в открытом выражении своих чувств в связи с этими отношениями.

По поводу этого интервью было о чем поговорить, и аудитория оказалась явно обрадована такой возможностью. Вопросы задавались и мне, и клиентке, высказывались разного рода комментарии и интерпретации. Я должен был защитить клиентку от того, чтобы она не стала объектом чрезмерно усердных и "глубоких" интерпретаций.

Утренняя сессия продолжалась с 10 до 13 часов, дневная - с 15 до 18 часов и состояла главным образом из ответов на весьма различные по своему содержанию вопросы.

Позднее в Московском университете состоялась другая публичная встреча с аудиторией примерно в девятьсот человек - студентов и преподавателей. И вновь демонстрационное интервью дало присутствующим возможность почувствовать клиенто-центрированный (человекоцентрированный) подход к терапии - возможность косвенно ощутить мощное влияние эмпатического понимающего слушания. На этот раз это было довольно трудное интервью с женщиной, настоятельно просившей совета. Она была опечалена тем, что больше не чувствует любви к своей семнадцатилетней дочери, и хотела получить в этой связи рекомендацию. Когда ее ожидания не оправдались, она была разочарована. И только в конце беседы, уже уходя со сцены, она сказала: "Думаю, что теперь я знаю, что во мне происходит".

После перерыва аудитории была предоставлена возможность для диалога. Мы попросили задавать вопросы только в устной форме, но публика настаивала на том,

чтобы задавать их письменно, и скоро перед нами образовалась кипа из сотни таких вопросов, ни на один из которых нельзя было ответить в ходе этой встречи. Однако это было показателем напряженного интереса. Эти вопросы были позднее переведены и проанализированы. Они обнаруживали хорошую информированность, были серьезными, опробывающими теорию и ее ограничения, и варьировали от вопросов о безусловном позитивном принятии и отношении к личным потребностям терапевта до роли религии в терапии.

Таким образом, в Москве в ходе публичных встреч и семинара мы встретились почти с двумя тысячами человек, хотя определенное их число составляли те, кто посетил более одной из проведенных нами сессий.

ЧТО МЫ ОБНАРУЖИЛИ

Я постараюсь резюмировать некоторые из тех установок и ситуаций, которые мы обнаружили как во время публичных встреч, так и в ходе проведения интенсивных групп.

Мы обнаружили чрезвычайный интерес к гуманистической психологии и к клиенто-центрированному/человекоцентрированному подходу. Знание моей работы было весьма распространенным. Когда в университетской аудитории я спросил, кто прочитал хотя бы одну написанную мной статью или главу из книги, по крайней мере, 85 процентов присутствовавших подняли руки. Когда мы были в гостях у женщины-профессора, то выяснилось, что она преподает способом, центрированным на учащихся (с обычными для этого способа трудностями) и что ее муж-математик, будучи в восторге от моей статьи об эмпатии, перевел ее на русский язык, после чего эта статья была включена в состав хрестоматии, содержащей публикации многих знаменитых психологов из разных стран.

Мы обнаружили в составе своих аудиторий много опытных терапевтов и квалифицированных психологов. Оказалось, что педагогов было относительно мало, хотя и предполагалось, что именно на сфере образования должен был быть сделан акцент всего нашего визита. Да и те педагоги, которые были в аудитории, обнаруживали себя гораздо менее явственно, нежели это делали психологи.

Мы обнаружили, что и в Москве и в Тбилиси отправленные нами за несколько месяцев материалы изучались и обсуждались на специально организованных для этого семинарах. Многие из этих материалов были переведены на русский и грузинский языки. Мы обнаружили, что в Институте д-ра Матюшкина весьма заинтересованы в публикации в русском переводе моей недавно опубликованной книги "*Свобода учиться 80-е годы*"³

Мы обнаружили значительную личностную открытость людей как в больших, так и в малых аудиториях. Было желание открыто проговаривать как скептические и негативные установки по отношению к нам, так и установки в нашу поддержку. Почти все вопросы и комментарии были тщательно продуманными и основывались на хорошем знании предмета. Мы обнаружили массу личной человеческой теплоты и гостеприимства. Мы получили множество подарков, многие из них были с дарственными надписями, идущими явно от сердца.

Мы обнаружили некоторые специфически советские привычки и манеры. Например, почти все в СССР - очень *хлопотное дело*. Приготовление еды, организация встречи, решение о том, какую машину взять, - все является предметом продолжительного и

жаркого обсуждения. Другое открытие состояло в том, что расписания и планы, казавшиеся ясными и определенными, очень часто менялись в самый последний момент по причинам, представлявшимся довольно неясными. Еще одно открытие состояло в том, что на основании различных намеков и косвенных заявлений мы поняли, что политика советской иерархически организованной бюрократии является еще более сложной, чем соответствующая политика в Соединенных Штатах.

Вероятно, наиболее важное из того, что мы обнаружили, состоит в том, что профессионалы, с которыми мы контактировали, - а именно к ним мы приехали, чтобы их узнать, - были поразительно похожи на своих двойников из США своими проблемами и озабоченностями, своими надеждами, связанными с будущим, своими личными притязаниями.

ЧТО МЫ ПРИВЕЗЛИ

Фрэн Мейси привез с собой знание разговорного русского языка, которое было неоценимо, блестящую способность устанавливать контакты, знание советской жизни и советских манер и способность обсуждать планы. Рут и я привезли много всего. Возможно, наиболее важным было то, что мы привезли последовательную теорию психотерапии и ее приложений к таким областям, как образование, менеджмент и разрешение конфликтов. Мы привезли большой опыт совместной работы как с большими, так и с малыми группами. В больших группах мы привыкли проводить совместные презентации, отвечать на самые разные вопросы и комментарии. У нас был также опыт организации, проведения и обсуждения демонстрационных терапевтических интервью.

Что касается малых групп, то мы привезли опыт фасилитаторов, восприимчивых как к негативным, так и к позитивным чувствам, адресованным как организациям и индивидам, так и к нам самим. Мы привыкли разрешать группе развиваться в ее собственном направлении и течении и постепенно усиливать себя. Мы привезли с собой готовность к тому, чтобы в наших взаимоотношениях друг с другом, в наших взаимоотношениях как с большими, так и с малыми группами, и в наших взаимоотношениях с индивидами из этих групп жить в соответствии с человекоцентрированным образом бытия. Мы привезли готовность быть отдельными людьми, способными отличаться друг от друга, дополнять и поддерживать друг друга. Мы привезли терпение. Иногда мне казалось, что оно было наиболее ценным предметом, которым мы владели: готовность ждать во время разговора, молчания, ругани, неопределенности, готовность ждать того, что процесс будет развиваться по своим собственным законам.

Мы привезли с собой готовность выражать наши собственные устойчивые переживания как свои собственные чувства, а не как обвинения или комментарии в отношении других людей. В один из моментов я выразил свои переживания шока в отношении того, что участники группы делали друг с другом. Я опишу это позднее. Во время последней утренней сессии в одной из интенсивных групп, Рут не смогла сдержать в себе свои чувства. Она открыла сессию, сказав что со вчерашнего утра она все отчетливее и отчетливее осознавала, что в группе ее почти полностью игнорировали. Во время большой публичной встречи она чувствовала, что ее принимают как полноправного человека, и в этой группе многие участники подходили к ней в

личном порядке. Она не просила утешения или проявлений симпатии, и ей не нужен был какой бы то ни было словесный ответ, но она хотела, чтобы люди знали, что у нее есть как интеллект, так и чувства, которые она уважает, и что она испытывает возмущение, когда их игнорируют. Является ли обращенность членов группы к мужчине как авторитетной фигуре, культурно обусловленным ожиданием? Ответом было продолжительное молчание, за которым последовало очень глубокое и время от времени очень горячее обсуждение отношений между мужчинами и женщинами, единственное обсуждение этой темы, которое было у нас в СССР.

Наконец, мы привезли с собой готовность адаптироваться, насколько это было возможно, к проявленным нуждам и запросам принимавших нас институтов и их персонала. Однако у этой готовности был свой предел. Мы должны были быть непреклонно настойчивыми, чтобы высвободить некоторое время для отдыха и расслабления. В противном случае наши хозяева наполнили бы каждую минуту нашего бодрствования запланированной работой или импровизированными мероприятиями.

ПРОЦЕСС В ИНТЕНСИВНЫХ ГРУППАХ

Мы просили, чтобы в каждой из интенсивных групп было не более тридцати человек, поскольку, в соответствии с нашим опытом, в более многочисленной группе становится трудно развить ту глубину и интенсивность личного общения, которые возможны в интенсивной группе. Перед первой встречей московского интенсива д-р Матюшкин пришел к нам почти со слезами на глазах. Процесс отбора участников оказался ужасно трудным, и, в конце концов, ему пришлось довести их число до сорока, но он не видел никакой возможности еще более сократить это число. Мы, наконец, согласились на сорок участников, и во время публичной встречи он зачитал фамилии сорока людей, включенных в список. Мы видели радостные улыбки и слышали ропот несогласия.

На следующий день, войдя в комнату для работы малой группы, мы обнаружили в ней, по крайней мере, сорок пять человек. Нас было пятеро (Фрэн, Рут, я и двое переводчиков), так что пятьдесят человек образовали в этой комнате настоящую толпу. Затем мы узнали, что некоторые из тех, чьи фамилии были в списке, "стоят за дверями" (эту фразу мы должны были выслушивать в этот день вновь и вновь), и что изрядное число тех, кто был в комнате, пробилась туда буквально силой.

Мы успокоились (как я полагал), и Рут и я открыли первую сессию короткими вводными замечаниями. Я особенно подчеркнул то обстоятельство, что хотя и мы, и Матюшкин, и другие люди много сделали для того, чтобы собрать эту группу, она является теперь нашей группой, а не группой Карла и Рут. Я высказал надежду на то, что мы сможем объединить здесь когнитивное и эмоциональное, личное и профессиональное. Я выразил также надежду, что мы сможем сделать так, чтобы и сами участники группы почувствовали себя более сильными. В заключение я сказал, что группа найдет свое направление и пойдет в соответствии с ним.

Нам было интересно, будет ли легко группе выражать чувства во время первой встречи. Об этом нам не следовало беспокоиться! Редко, если когда-либо вообще, мне доводилось слышать такие личные злобные выпады, такую ужасную жестокость, непосредственно направленную на присутствующих. Были обвинения в несправедливости. Было негодование тех, кто пробился в группу. Было чувство, что в

отношении некоторых групп людей допущена дискриминация. Было сильное чувство, что некоторые должны быть вышвырнуты вон, особенно один мужчина, который принес арбуз в качестве примиряющего подношения, показывающего, что он знал, что не был в списке, но хотел быть в нем. Было также сильное чувство, что ни один из тех, чьи фамилии были зачитаны публично, не должен уйти. Были решения и контррешения, атаки и контратаки. Иногда все это достигало крещендо выкрикиваемых обвинений, предложений и вопросов.

Д-р Матюшкин, отвечавший за официальный список, чувствовал, что его обязанности делают для него невозможным членство в группе, так что группе стало ясно, - надо установить свое собственное членство. Рут высказала сильное желание, чтобы группа была действительно малой группой. Я, в соответствии с моим мягкосердечием, чувствовал, что, возможно, мы сможем принять более сорока человек, на которых мы были согласны ранее. Хотя в то время об этом ничего не было сказано, впоследствии мы поняли, что для участников группы это разногласие, этот "антагонизм" между двумя фасилитаторами стал предметом озабоченности. Некоторые из них почувствовали, что мы, должно быть, запланировали его таким образом, чтобы спровоцировать дальнейший конфликт в группе.

После нескольких часов пререканий один мужчина заявил, что уступает свое место в группе, чтобы дать возможность кому-либо еще быть в ней. Два члена группы, фамилии которых определенно были произнесены на публичной встрече, были включены в группу. Две женщины покинули ее. Все это, однако, не устранило ту горечь, которая чувствовалась весь день. Спор был настолько желчным и громким, что и у Рут, и у меня редко появлялась возможность как-то прореагировать. Было мало возможностей для эмпатического понимания. Спокойствие, принятие и нежелание оценивать или принимать решения за группу - таким был наш начальный вклад. Я предложил провести несколько минут в тишине, прежде чем мы расстанемся до следующего дня. В конце этого дня один опытный профессионал сказал нам, что эти пререкания продолжались бы до тех пор, пока мы не дали бы какого-либо намека, чтобы остановить их, и, что было существенно, что мы бы подали некий сигнал, так что горечь смогла бы сойти на нет. Согласно моему собственному чувству, когда члены группы представили себе той ночью, что у них есть четыре дня, которые они должны быть вместе, и что они могут, если захотят, провести все эти четыре дня в пререканиях, у них возникло желание попытаться изменить ход занятий.

Второй день начался с драматической перемены климата. Люди думали об этом всю ночь. Им не нравилось то, что они делали друг с другом. Им не хотелось потратить все свое время на решение вопроса о членстве в группе. В результате, хотя этот вопрос и возникал эпизодически и на короткое время, день прошел в гораздо более личном общении. Было положено начало попыткам действительно слушать друг друга, хотя этих попыток было немного. По большей же части, когда человек выражал некоторую личную проблему, была ли это семейная проблема или озабоченность в связи с самим собой или, как это было в одном случае, в связи с негативными чувствами по отношению к некоторым членам группы, реакции на все это следовали незамедлительно.

Почти неизменно они были исследовательскими дознаниями, догматическими и оценочными интерпретациями, интеллектуальными анализированиями, критическими оценками или личностными нападками. В предыдущем разделе статьи уже упоминалось, что я оказался настолько потрясен манерой, в которой эти люди - преимущественно

терапевты - общались друг с другом с очевидным стремлением помочь, что, в конце концов, не смог сдержать свои чувства. Я сказал, что когда человек выражает нечто личное, он (или она) оказывается выставленным на всеобщее обозрение и ранимым, и что это весьма рискованный опыт. Я чувствовал, что в ситуациях такого рода люди гораздо более чувствительны к нападкам со стороны, нежели когда они наглухо застегнуты в свои обычные защиты. И, тем не менее, именно тогда, когда члены группы проявляли себя таким образом, группа оказывалась наиболее жестокой в своих интерпретациях, дознаниях и негативных суждениях. Я почувствовал ужас от происходящего и так и сказал. Моя вспышка была встречена продолжительным молчанием, но позднее стало ясно, что она оказала мощное влияние.

Я убежден, что именно в ходе второго дня стало очевидно, что многие личные проблемы участников связаны с большой частотой разводов. В этой образованной и искушенной группе это обстоятельство было аналогично тому, что мы имеем в Соединенных Штатах. Одна из женщин говорила о том, как она и ее муж постепенно вырабатывали способ более позитивных и, по-видимому, более постоянных взаимоотношений. Она была явным исключением. Почти от каждого можно было услышать нечто следующее; "Когда я ушла от первого мужа...", "У меня проблема с ребенком от второго брака"; "Если я уйду от моей второй жены...". Было обсуждение ненадежности и отстраненности детей от предыдущих браков; трудности поддержания отношений с детьми, когда они живут отдельно; вмешательства бывших жен, тещ и свекровей - всей гаммы отношений.

Одна школьная учительница (в действительности она была и директором школы, и учительницей) из группы выразила желание участвовать со мной в демонстрационном интервью перед группой. Мы сели на стулья друг перед другом, но так продолжалось только до тех пор, пока не началось само интервью. Она почти не смотрела на меня, но буквально взрывалась в направлении группы, говоря о том, как бесполезны были психологи, когда они пришли в ее школу. Учителям были нужны советы, но они их не получили, или же эти советы были бесполезны. Кроме того, психологи совсем не понимали, что значит быть учителем в школе. Она рассказала, как однажды в одном из классов школы перекрасили стены, а потом она вошла в этот класс и увидела, что на его стенах дети оставили на память о себе отпечатки рук и ног. Она рассказала об одной экскурсии на природу с учащимися, во время которой двое из них незаметно ушли из группы с мальчиком, который жил в тех местах, и все это вызвало у нее настоящий ужас, поскольку она подумала, что школьники заблудились в лесу. Она изливала обвинение за обвинением, и, тем не менее, сквозь все эти обвинения совершенно явственно проявлялись и ее любовь к детям, и то что она не так уж расстроена всеми этими проблемами, и что она гордится тем фактом, что ее школа была названа кем-то из посетителей "психбольницей", потому что она допускала в ней столько свободы, и, короче говоря, она проявила себя как предельно склонный к инновациям и сензитивный педагог, стремящийся создать для детей атмосферу свободы. И, тем не менее, в тех случаях, когда проговаривалось ее признание в этом качестве, она сразу же начинала отвергать его. Ситуация в целом была забавной, поскольку время от времени я пытался перекрыть течение этого стремительного потока, а мне это совершенно не удавалось. Она стремилась к тому, чтобы ее услышали, и ее услышали! Не было никакого сомнения в том, что люди в группе слушали ее и что они пришли к более ясному пониманию того, каково быть учителем одаренных, нестандартно мыслящих детей из интеллигентных

семей (как выяснилось впоследствии, она была директором экспериментальной школы при Институте общей и педагогической психологии, директором которого был Матюшкин).

ТРИАДЫ

К утру третьего дня с некоторой долей уверенности можно было предположить, что группа могла быть готова к чему-то иному. Мы предложили опыт эмпатии и разъяснили, что имеем в виду. Группа была озадачена, но вместе с тем заинтересована. Мы предложили провести некую демонстрацию в центре группы. Женщина, первая вызвавшаяся быть добровольцем, сказала, что хотела бы быть наблюдателем, затем появился доброволец-клиент, а еще один доброволец без особой охоты согласился быть терапевтом. Было предложено, что клиент не будет играть роль клиента, но расскажет о некоторой проблеме, которая его по-настоящему заботит. Клиент рассказал о действительно трагичном отчуждении, существующем между ним и его детьми. Помощь терапевта не была существенной, и, тем не менее, облегчение оказалось значительным. Когда произошла смена ролей, и наблюдатель стала клиентом, а клиент - терапевтом, люди начали понимать идею и стали проявлять все большее внимание к происходящему. И здесь как раз наступило время обеденного перерыва.

После обеда, когда были сформированы триады, шлюзовые затворы были открыты по-настоящему. (То же самое было и в тбилисской группе, из которой взяты отдельные примеры.) Один мужчина буквально утопил терапевта и наблюдателя, которыми были молодые женщины, в своем огорчении, возмущении и критицизме в отношении своей дочери. Он относился к ним отчасти так, как если бы перед ним была его дочь. Они не могли остановить этот поток. И им, и ему казалось, что эти излияния, продолжавшиеся в течение долгого времени, невозможно завершить.

Другой мужчина - один из наиболее теоретически ориентированных и рационально и логически мыслящих людей в группе - оказался совершенно личным в общении, когда рассказал о совершенно разных проблемах, которые были у него с двумя его дочерьми. Когда он говорил на личном уровне, он выглядел как совершенно другой человек.

Одна из женщин излила свои чувства в связи с теми ограничениями, которые налагали на нее родители в раннем детстве. Она говорила в течение сорока минут, совершенно игнорируя пятнадцатиминутный лимит, установленный для смены позиций.

Во многих случаях терапевты оказались довольно неопытными и в действительности совершенно незнакомыми со слушанием без оценивания. Их реакции были исполнены советов, собственного опыта, интерпретаций поведения - всего, кроме эмпатического слушания, которое они пытались практиковать. Было совершенно ясно, что быть по-настоящему услышанным, услышанным без оценки, - это событие, возможно, еще более редкое в Советском Союзе, чем в Соединенных Штатах. Столь же ясным было то, что люди изголодались быть услышанными без осуждения и интерпретации, такими, какие они были. Опыт участия в триадах оказался очень ценным и отрезвляющим уроком для всех заинтересованных участников, свидетельством того, что, хотя они читали о слушании, рассуждали о нем, преподавали его, в действительности они его никогда не проделывали!

По мере того как группа продвигалась вперед, на поверхность всплывало много серьезных и глубоких тем. Было обсуждение темы смерти и умирания и того, можно ли

позволить человеку умереть, допустимо ли это вообще. Директор института в Тбилиси открыто обсуждал свою управленческую политику. Ему хотелось бы стать гуманным, однако он чувствовал, что почти ничего не знает о том, как это делать. Его коллеги и подчиненные были очень открыты в общении с ним. Подобное отношение представлялось весьма позитивным и развивающим. Затем уже по моей инициативе состоялось продолжительное обсуждение разрыва супружеских отношений, иногда сопровождавшееся чувствами сожаления о случившемся и озабоченности в связи с тем, что стало с детьми.

ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ПАТТЕРНЫ

Несколько коротких описаний отдельных участников могут обозначить те изменения, которые происходили с некоторыми из них. Марина - психолог, она провела большую часть своей профессиональной жизни в качестве преданного ассистента; с некоторой долей экзальтации она говорила о том, что произошло с ней в триаде и после нее. Она почувствовала, что впервые в своей жизни действительно и подлинно принимает себя как отдельного и уникального человека. В последний день работы группы, рассказывая об этом, она раскрыла объятия, встречая себя: "Привет, Марина!". Ее жест показал новую для нее способность лететь самостоятельно, решительно оставляя гнездо, в котором она жила так много лет. Опыт Лены был одновременно и похожим, и иным. Процесс изменения Марины был приписан группе и особенно ее опыту в триаде, Лена определила источник своего изменения как способ бытия одного из фасилитаторов. Данное различие представляется важным, поскольку оно является тем аспектом создания климата в группе, который легко ускользает от внимания. В последний день Лена сказала со слезами в глазах: "То, что было в группе, не было терапией. Эти четыре дня были бытием с вами. Теперь я знаю, что жизнь имеет смысл. Моя жизнь имеет смысл¹". В первый день именно она говорила: "Я чувствую безнадежность. Никто не может помочь мне, даже я сама".

Ей чуть более тридцати, она профессионал, прекрасно работает и явно успешно строит свои отношения с коллегами и своей семьей. Однако она жила с ощущением внутреннего отчаяния, чувствуя, что жизнь должна иметь больше смысла, нежели каждодневная рутина и соответствие ожиданиям и нуждам других людей, но, как и большинство членов интенсивной группы (особенно женщин), она не могла найти способа реализации даже небольшой части того предназначения, к которому она страстно стремилась, - предназначения испытать радость и цель в жизни.

Мужчина, переполненный горечью по поводу своей взрослой дочери, выговорился на одной из сессий. Днем ранее дочь попросила его кое-что купить, а он забыл об этом. "Но сегодня утром за завтраком я извинился перед ней за свою забывчивость, и днем я пошел в магазин и принес ей покупки домой. Она поблагодарила и улыбнулась мне - впервые за многие годы¹¹. Он чувствовал, что эта улыбка была добрым предзнаменованием в их взаимоотношениях.

У Юлии жесткий отец, армейский офицер, посвятивший всю свою жизнь "общему Делу". Теперь он состарился и не очень здоров, но лихорадочно пишет, чтобы обосновать это "Дело", хотя чувствует, что преуспел в этом недостаточно, совсем не так, как на то надеялся. Он полагает, что интерес Юлии к психологии - полнейшая бессмыслица, и зачастую ругает ее за эту глупость. Это всегда заканчивается большой

ссорой. На этот раз она рассказала ему о семинаре, и он опять высмеял его как предельно глупую бессмыслицу. Она чувствовала себя более независимой и отстаивала свою позицию без того, чтобы скандалить. Она осознавала также, что он просто разочарованный старик, разочарованный, прежде всего, в самом себе из-за того, что не смог сделать большего для "Дела", и разочарованный в ней за то, что в своей жизни она пошла в другом направлении. Вдруг она ощутила сочувствие к нему, и вместо того, чтобы, как вошло у нее в привычку, расстаться с ним, произнесла слова, полные горечи, она, прежде чем уйти из дома, обошла стол с другой стороны и поцеловала отца.

Директор института рассказал, что на следующий день после окончания семинара он начал практиковать новую управленческую политику. Одной из ее особенностей было то, что он стал вырабатывать предложения для своих сотрудников, а не отдавать им приказы.

Мужчина, имеющий высокий социальный статус, привел на заключительный прием свою жену. Во время застолья он объявил, что хотел бы, чтобы его жена знала следующее: обсуждение отношений между мужчинами и женщинами произвело на него большое впечатление, он не относился к ней как к равному человеку, не побуждал ее карьерных устремлений, как того заслуживала она, и он собирается изменить все это в будущем.

В последний час работы семинара одна из женщин поделилась своим эмоциональным опытом. Она сказала, что в первый день работы семинара была настроена очень скептически относительно того, что вообще что-либо может произойти. Люди слишком хорошо знали друг друга. Чувствовалось недоверие. Она знала, что никогда не выскажется в группе. Во второй день ей было так скучно, что она решила, что, скорее всего, уйдет, но так или иначе она осталась. На третий день, когда состоялась демонстрационная триада, она к своему удивлению обнаружила, что оказалась полностью вовлечена в переживания клиента, по-настоящему слушала его, хотя сама и не была в этой триаде. Она была изумлена интенсивностью своего слушания: в этот момент для нее не существовало ничего, кроме внутреннего мира клиента. Однако, когда для всех пришло время участия в триадах, она сделала это с явной неохотой. (Я взял ее за руку и помог найти двух других членов группы, с которыми она могла бы работать в триаде.) Затем, когда настал ее черед быть клиентом, она обнаружила, что изливает свои чувства о своем детстве, о том, как ее родители запрещали ей плакать и о многом, многом другом. В завершение она почувствовала, что вновь, впервые за многие годы, может плакать. "Это был самый прекрасный опыт в моей жизни", - сказала она о времени, проведенном в триаде. В четвертый день она почувствовала, что в каком-то смысле стала новым человеком и что может по-новому, своим собственным уникальным образом воспринимать мир.

Таковы примеры небольших, непосредственных, но значимых и символических изменений в поведении и установках, наблюдавшиеся нами даже в последние дни двух семинаров...

В каждом из семинаров было по одному "стойкому оловянному солдатику" (holdout). В Москве один из мужчин, занимавший важное положение, ясно дал понять тем, что говорил, но особенно своей позой, что он был совершенно отстранен от процесса. До последней сессии у него была склонность сидеть со скрещенными руками, поглядывая на все свысока и одновременно отвергая происходившее в группе. Однако во время последней сессии он оказался по-настоящему включенным в группу, а на последней

встрече с Ученым советом сделал одно из самых сильных заявлений, свидетельствующих об очевидной природе группового процесса и его эффектах.

В Тбилиси один блестящий молодой человек на протяжении четырех дней высказывал свое скептическое отношение и свое сопротивление. Но на последней сессии он смягчился и ясно выразил желание стать полноправным членом группы. И по сделанным нам подаркам, и по его личным высказываниям после семинара было очевидно, что семинар оказал на него большое воздействие.

Элемент, вызвавший изменение в обоих этих случаях состоял, по-видимому, в тех контактах, которые были у Рут с этими двумя мужчинами. Во время перерывов и вне сессий она поставила себе цель поговорить с ними таким образом, чтобы выказать уважение к ним как людям и готовность принять их негативные чувства в отношении группы. Видимо, именно это дало им возможность получить столь нужное им внутреннее разрешение стать полностью вовлеченными в процесс.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

В целом мне представляется, что участники семинара были скорее нечувствительны друг к другу, но было одно исключение. Когда кто-либо из них говорил от сердца или с действительно висцеральным переживанием, царил тишина, и каждый начинал интенсивно слушать. Когда мужчина говорил о горе, которое он испытывал при посещении могилы своего брата на кладбище, о том, как он спрашивал самого себя: "Действительно ли я чувствую горе или же просто играю роль хорошего члена семьи и веду себя так, как если бы я испытывал горе?" - можно было бы услышать падение булавки. С другой стороны, когда кто-либо высказывал интеллектуальные идеи о группе или же говорил о том, почему он сомневается в групповом процессе, или же интерпретировал поведение кого-либо еще, зачастую начинались перешептывания в парах или в небольших группах. Интенсивность слушания возникала только в тех случаях, когда нечто говорилось из глубины.

Поскольку Рут изучала прямые высказывания участников, которые она бегло записывала в ходе сессий, она отметила в своем журнале другую особенность наших сессий. Существует определенная "потерянность", проскальзывающая во всех наиболее глубоких личных высказываниях, особенно в Тбилиси. Являлось ли это сочетанием сильных семейных привязанностей или же культурной особенностью? В социальных ситуациях в Грузии имела место общая веселость, но под ней чувствовалось довлеющее сквозное ощущение того, что должно быть больше жизни, глубокое отчаяние в связи с тем, что эту жизнь вряд ли можно найти. Эта тема повторялась вновь и вновь.

"Я знаю, как я хочу быть, но я чувствую себя беспомощным и неспособным измениться". "Я хочу получить от жизни больше, но не знаю, как это сделать". "В своих взаимоотношениях с дочерью (в высказываниях других говорилось о сыне, отце, матери), я испытываю разочарование и боль, но пытаться изменить ее представляется мне невозможным". "Я чувствую, что никто не может помочь мне, даже я сама". "Бесполезно говорить об этом. Это никогда не изменится". "Здесь никто ничего не может сделать, чтобы помочь мне". "Это судьба? Я не могу, как вы говорите, сделать выбор, чтобы измениться и расти". "Меня влечет моя судьба? Как вы думаете, это действительно так?"

Пятеро из восьми участников, непосредственно процитированных здесь, на третий

или четвертый день сказали группе, что получили некоторое представление о своих желаемых Я или же что изменились их взаимоотношения с другими людьми.

Хотя московская и тбилисская группы были довольно разными, тбилисская группа стартовала гораздо медленнее, для обеих групп контраст между первым и последним днем был поистине драматическим. К четвертому дню наблюдалась гораздо большая свобода самовыражения; гораздо большей была и способность слушать друг друга. Члены группы и переживали, и вербализовывали чувство единства группы.

ПРИЕМЫ

По завершении и московской и тбилисской группы в конце четвертого дня в , обстановке некоторой секретности и перешептываний произошли некоторые удивительные события. Рут и мне было сказано, что мы можем немного отдохнуть, а затем будет небольшой прием или, как это было в Тбилиси, что нам предстоит небольшая "грузинская терапия", под которой, как мы поняли, понималось вино. В обоих случаях после некоторого ожидания мы были препровождены в совершенно преображенную комнату. Столы были накрыты; на столах громоздилась еда; стояли стулья для сорока пяти участников; провозглашались тосты, делались подарки (зачастую очень личные по своему характеру), говорились речи, следовали объятия. Это было излиянием доброго расположения и любви не только по отношению к нам, но и друг к другу. Всюду слышались прощания, полные взаимного расположения и любви. В обоих городах некоторые из тостов были посвящены надеждам на мир, на лучшее взаимопонимание между нашими странами, на продолжение обменов и сотрудничества.

Когда я думаю об опыте каждой из этих интенсивных групп, мне представляется, что поднимавшиеся в них вопросы были очень похожи на те, что обсуждались в сходных группах в Соединенных Штатах, Бразилии, Мексике, Японии, Польше, Венгрии, Италии, Великобритании. Удивительно, как много здесь общего. Одним из таких действительно общих элементов, обнаруживаемых в каждой из культур, с которыми мы имели дело - и здесь в числе других мне особенно хотелось бы упомянуть Южную Африку - является голод по более глубокому и более человеческому общению и желание быть принятым в качестве реального человека с его проблемами и всем прочим, в качестве уникального индивида, обладающего достоинством и значимостью. Существовали определенные темы, которые были по большей части опущены в ходе обсуждений в двух советских группах. Одна из них состояла в том, что хотя и в поведении, и в шутках, и во всем прочем напряжение между мужчинами и женщинами проявлялось достаточно явно, оно никогда не обсуждалось открыто, за исключением того случая в группе в Тбилиси, когда этот вопрос подняла Рут в связи с самой собой.

Другим вопросом, который никогда не затрагивался, была политика в узком значении этого слова. Никогда не было открытого обсуждения систем правления или чего-либо подобного. Только однажды на протяжении всего нашего пребывания одна женщина сказала, когда один из нас предъявил личную проблему; "Ничего подобного в Советском Союзе произойти не могло". Однако ее тут же перебила другая женщина, сказавшая так. "Это неверно. Моя ситуация точно такая же".

Как я уже говорил, хотя политика в узком смысле и не обсуждалась, часто выражалось острое желание того, чтобы между нашими странами было больше элементов диалога, больше взаимопонимания, и надежда на мир, на необходимость

любой ценой избежать войны.

ДВА ДНЯ СПУСТЯ - ВСТРЕЧА С УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

Один из непосредственных результатов московской группы был настолько удивительно экстравагантным, что его необходимо описать более подробно.

Д-р Матюшкин сказал нам, что хотел бы добавить к нашей рабочей программе встречу с Ученым советом. Эту престижную группу людей составляют члены Академии педагогических наук и других учреждений, и она выступает как своего рода совет директоров данного института. Они обладают большим влиянием на ту поддержку, которой пользуется его деятельность, поэтому для него эта встреча была очень значима. Он хотел, чтобы мы отчитались перед ними в том, "чего мы достигли", Я сказал ему, что любой отчет, который мы могли бы представить, был бы неизбежно пристрастным, так что, если он хочет получить действительное свидетельство, то может попросить членов интенсивной группы, чтобы они дали свои как позитивные, так и негативные оценки своему опыту

Д-ру Матюшкину это предложение понравилось. Когда его пригласили на закрытие семинара, чтобы поблагодарить за предпринятые усилия, он кратко изложил эту идею. Он сказал, что если участники группы будут свободны, все они приглашаются на заседание Ученого совета, которое состоится через два дня. (Заседания совета всегда являются открытыми.) И если они захотят, то смогут рассказать о своем опыте.

Когда наступило время заседания, мы увидели, что на него пришло много членов группы. Аудитория внушала почтение, В первом ряду сидели члены президиума, известные ученые. Кроме того, аудитория была заполнена до предела - о семинаре хотели услышать триста пятьдесят человек. Д-р Матюшкин открыл заседание, сказав, что он, Рут и я согласны в том, что наилучший способ проведения этого собрания - спросить самих участников семинара об их опыте. Он обратился с просьбой к тем, кто захочет высказаться, ограничить свои сообщения не более чем пятью или десятью минутами. Если они захотят выступить, то должны написать записку с указанием своей фамилии и ученой степени. И сразу же на сцену налетел небольшой снежный вихрь белых бумажек. Хотели выступать тридцать участников семинара! Д-р Матюшкин сказал, что в соответствии с характером работы в интенсивной группе женщины имеют те же права, что и мужчины, и он будет попеременно приглашать мужчин и женщин. В целом в течение полутора часов выступили девять участников семинара, а двадцати одному пришлось испытать явную фрустрацию, поскольку они хотели, но не смогли выступить. Девять членов группы выходили один за другим на сцену и говорили убедительно и красноречиво без каких-либо оправданий и без какой-либо неуверенности. Было ясно, что они чувствовали себя уполномоченными и просто хотели рассказать этой почтенной и уважаемой аудитории, что означал для них семинар. Их высказывания были предельно выразительны и охватывали и личные и профессиональные аспекты их опыта.

Перед нашим переводчиком Димой был установлен микрофон, так что большая часть этих выступлений была зафиксирована. Материал настолько богат, что его следовало бы процитировать полностью, но это, конечно же, невозможно. Однако могут быть процитированы некоторые высказывания нескольких из выступавших. Первым из них был психиатр. Он сказал, что пришел на семинар как психотерапевт. В этой связи у него

было много страхов. (В ходе первых сессий он был весьма скептическим членом группы). Он читал о моей работе, но здесь он усвоил "гораздо больше, чем из чтения книг. Эта группа позволила нам приобрести так много - гораздо больше, чем мы ожидали. Этот опыт останется с нами навсегда". Далее он сказал: "Является ли наукой гуманистическая психология? Является ли она научным подходом или нет? Приезд Роджерса имеет огромное значение для гуманистической психологии и исследовательской работы". Он добавил в очень личной манере: "Я не могу найти точные слова, потому что очень большая часть моего Я все еще находится в атмосфере той комнаты, где мы были вместе в ходе нашей работы".

Вторым выступавшим была женщина. "Мои реакции на все это настолько сильны, что я должна была выйти сюда и хотя бы чем-то поделиться. Вчера я начала свою работу с клиентом и обнаружила, что стала применять данный подход. Это было очень важно для меня как для профессионала. Я узнала, что клиенты или друзья вовсе не хотят получить ваш совет, вашу интерпретацию. До семинара я была своего рода следователем, пытающимся изучить, выявить причину, лежащую в основании того или иного поступка. Но когда на семинаре я сама была клиентом, я поняла, как плохо быть выслушиваемой следователем. На самом деле меня не услышали. Я поняла, как много значит быть просто выслушанной. Я не хочу найти некую теоретическую модель. Я просто хочу слушать, предоставлять мое внимание. Я знаю, что это звучит как общее место, но я хочу, чтобы вы поняли, что именно я чувствовала. Мне не хотелось бы относиться к другим людям, как к объектам, которым мы собираемся навязать свою помощь. Прежде я исходила в своей работе из идеи, что приходящий ко мне за помощью человек в чем-то виноват. Когда они чувствуют вину, а мы ее подкрепляем, то это не помогает".

"Работая вчера с человеком, я старалась понять ее боль, почувствовать ее чувства. Это оказалось очень полезным. Она рассказала мне, что бьет своего ребенка. Если раньше я возмутилась бы, то на этот раз я слушала и понимала. Уходя, она сказала мне, что впервые в жизни почувствовала себя понятой. Я усвоила, что важно постоять в туфлях другого человека. До этого я знала теории. Теперь мы узнали это изнутри".

Когда д-р Матюшкин вызвал следующего выступавшего, мужчину, он сказал: "Я буду называть людей по именам, поскольку это принято в гуманистической психологии". Саша, следующий из выступавших, сказал: "Прошло всего два дня после опыта, и я все еще его участник. Я психолог, не психотерапевт, Я знал теорию Роджерса, но это был процесс, в который мы были лично вовлечены. Я не представлял себе, как она применяется на практике. Мне хотелось бы высказать несколько своих впечатлений. Первое - эффективность этого подхода. Это был такой процесс, в котором мы все учились. Второе - этот процесс двигался без двигателя. Никто не вел его, никто не руководил им. Это был саморазвертывающийся процесс. Это было как в рассказе Чехова, где все ждали пианиста, а пианино начало играть само. Третье сильное впечатление на меня произвела манера Карла и Рут. Сначала я чувствовал, что они были пассивны. Затем я понял, что это была тишина понимания. Четвертое - я хочу отметить проникновение этого процесса в мой внутренний мир. Сначала я был наблюдателем, но затем эта установка совершенно исчезла. Я был не просто окружен этим процессом, я был поглощен им! Для меня это было откровением. Мы начали двигаться. Я видел не просто людей, которых знал годы, но их чувства. Мое пятое впечатление - это моя неспособность контролировать поток чувств, поток процесса. Мои чувства пытались облачиться в одежды моих слов. Иногда люди буквально взрывались,

некоторые даже плакали. Это было изменением системы восприятия. Наконец, я хочу отметить высокое мастерство Карла и Рут, действенность их молчания, их голосов, их взглядов. Всегда, когда следовала какая-либо реакция, они отзывались на нее. Это было потрясающим феноменом, потрясающим опытом".

Профессор сказал: "Я хочу говорить как ученый". Он рассказал о том, что большое впечатление на него произвели теория и принципы, лежащие в основе человекоцентрированного подхода. "Эти законы человеческого общения, открытые в Америке, оказались удивительно функциональны применительно к нашей ситуации". Чуть ниже он отметил другой пункт. "Мы были склонны думать, что есть нечто, что относится только к Роджерсу, но это неверно. Мы тоже можем концентрироваться в течение сорока пяти минут и можем быть эффективными в создании терапевтического климата, осознавая как негативные, так и позитивные чувства". Он подчеркнул, что говорит о "наших клиентах, а не о наших пациентах!" Он сказал также, что "хотел бы упомянуть об огромном вкладе этих двух людей в укреплении взаимопонимания между нашими двумя странами. Хорошо знать, что за океаном есть люди, испытывающие к нам теплые чувства".

Следующей выступала женщина. "Для меня это было полезным в личном плане. Как теперь быть с этим? Как позволить людям быть самими собой? Мы явным образом испытали это. Я испытала огромные изменения в самой себе. Я видела своими собственными глазами, что это возможно, что люди могут быть подлинными. Существует некая психологическая сущность, образующая личность индивида". Позже она добавила: "В группе были люди, которых я знаю многие годы, но только теперь, после четырех дней я действительно чувствую, что знаю их. Мы начали с конфликта - конфликта, который начался до того, как мы оказались в группе. До этого мы игнорировали друг друга, и наши конфликты не прекращались".

Школьный психолог "сначала думал, что Роджерс ничего не делает, и люди внутренне обращались к нему: "Сделай что-нибудь!" Однако я понял, что этот способ - не анализировать, не управлять - лучше". Он добавил: "Семинар помог мне решить несколько серьезных проблем, с которыми я сталкиваюсь как практический психолог, например, весьма распространенный конфликт между детьми и учителями. Я люблю детей, а учителя мне не нравились. Теперь мне хотелось бы узнать учителей и работать вместе с ними". Он видел, как в группе разрешались конфликты, и это "было на самом деле, это не было игрой".

Другой выступавший сказал: "После этих четырех дней Рут, Фрэн и Карл живут со мной и моей семьей. Этот опыт изменил мой способ обращения с людьми. Это привнесение теории в каждодневную жизнь. Это не техника; это способ бытия. Он не волшебство, поскольку может быть понят и воспроизведен посредством создания определенных условий, которые мы называли климатом. В нашем обществе этот подход никогда не применялся ранее. Для нас он нов. Для нас непривычным было эмпатическое слушание. Но затем мы начали избавляться от оценивания, а тишина дала нам возможность концентрироваться на чувствах других людей. В тишине мы учились также у самих себя. Как терапевт я узнал, что терапевт - это эксперт только в знании того, как следовать за клиентом".

Самым последним выступавшим была женщина: "Мне трудно говорить, трудно делиться этим огромным эмоциональным опытом. Мы прошли терапию. Мы работали не как профессионалы, но как люди. Когда вы относитесь к человеку как к человеческому

существо, не стремясь интерпретировать, он или она открывается. Сначала вы пытаетесь убедить друг друга, оценить друг друга. Мы кричали друг на друга! Затем неожиданно люди начали всматриваться в свои проблемы. Этот опыт останется с нами навсегда, до конца наших дней. Это не просто метод. Это способ бытия".

ОТДАЛЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Очевидно, что на данный момент у нас нет возможности оценить отдаленные результаты. Однако есть ряд каналов, по которым мы надеемся получить отчеты. Ирина, ассистент д-ра Матюшкина, обещала предоставить нам отчеты о любых обратных связях, которые она получит от московской интенсивной группы. Я тоже особенно рассчитываю получить отчет о последствиях от клиентки, участвовавшей в демонстрационном интервью в университете и казавшейся тогда довольно неудовлетворенной. Я подозреваю, что с течением времени в ее поведении произойдут некоторые изменения.

После окончания семинаров Фрэнсис Мейси будет пару недель и в Москве и в Тбилиси, и может быть, он сможет предоставить еще кое-какие сведения. Ясно, что реальный вклад семинара станет известен через несколько месяцев, однако мы предпримем усилия, чтобы собрать любую информацию, сколь бы анекдотичной она ни была.

ПОД ПОВЕРХНОСТЬЮ

Небольшие реплики из бесед показывали, что мы находились в хорошо контролируемом обществе. Так, человек с определенным статусом сказал нам: "Мне бы очень хотелось принять вас у себя дома, но я не могу сделать этого и, к сожалению, я не могу дать вам никакого объяснения этому". Другой человек сказал нам в частной беседе: "Я ненавижу систему, но, пожалуйста, не повторите это кому-либо еще здесь". Еще один человек сказал: "Ценности меняются все время, с каждым новым руководством. Родители не знают, что говорить своим детям, потому что меняются ситуации и ценности. Нам нужно что-то более стабильное, к чему можно было бы приобщиться. В этом может состоять причина теперешнего интереса к религии". Другой собеседник: "Каждый знает, что по большому счету что-то не так. Даже функционеры на уровне правительства знают, что что-то не так. Мы не знаем, что разрешит этот кризис". Следует подчеркнуть, что эти замечания принадлежат очень небольшому числу людей, с которыми мы контактировали. Поскольку они соответствуют американскому стереотипу ситуации в России, их значение, по-видимому, легко переоценить.

С другой стороны, мы почувствовали, что участникам семинара было легко рассказывать о своей семейной жизни и ее проблемах, о своих личных и профессиональных проблемах. Мы никогда не сталкивались с какой-либо озабоченностью с чьей-либо стороны относительно возможных информаторов в группе. По-видимому, существует большая свобода выражения, но она существует внутри определенных ограничений.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С ДРУГИМИ ГОСТЯМИ

Нам рассказывали о визитах разных знаменитых психологов в Советский Союз в последние годы. Их практика сводилась к тому, чтобы прочитать одну-две лекции и после этого уехать. Постепенно мы осознали множество разительных отличий нашего визита от визитов этих других психологов.

Прежде всего, в каждой из ситуаций мы проверяли научную психологическую гипотезу, но проверяли ее не в лаборатории, но в жизни. Коротко говоря, гипотеза состояла в том, что если существуют определенные условия (каждое из которых можно определить и даже измерить), то возникает определенный процесс, характеристики которого можно описать. Более того, люди могут своими собственными глазами наблюдать и своими собственными ушами слышать, переживать в своем собственном опыте подтверждение или неподтверждение этой гипотезы. В соответствии с советской терминологией, это был настоящий научный опыт, и это обстоятельство часто упоминалось в их реакциях на семинар.

Другое фундаментальное различие состояло в том, что обучение, как результат нашего визита, было как опытным, так и когнитивным. Люди испытали его как в своих сердцах, в своей висцеральной системе, так и в своих мозговых клетках. Университеты и институты в этой стране, так же как и наши университеты и институты, в первую очередь заняты интеллектуальным обучением. В этом было действительно отчетливое различие.

Как стало ясно из свидетельств участников семинаров, мы работали с людьми, а не просто разговаривали с ними. Мы проводили с ними время. Короче говоря, можно сказать, что мы проводили от двух до шести часов с большими группами от трехсот пятидесяти до девятисот человек. Мы проводили от двадцати четырех до тридцати часов интенсивной работы с группами из сорока пяти и сорока человек соответственно. Эти временные обязательства также были тем, что отличало наш визит от предшествующих.

Мы были готовы продемонстрировать нашу работу. Все, что мы делали, было в определенном смысле производным от нашей основной гипотезы и нашего доверия индивиду и группе. Это особенно верно применительно к четырехдневным интенсивам. Было также три интервью, проведенных перед большими аудиториями, и две группы людей имели возможность посмотреть еще одно интервью на видеокассете. Тот факт, что мы демонстрировали нашу работу, был определенно новым для советских психологов, что и нашло свое отражение в их комментариях и реакциях.

Мы смогли создать климат, в котором в четырехдневный период произошли видимые изменения в установках и поведении. Для наших советских коллег это оказалось настоящим сюрпризом. Мысль о том, что мы сможем на протяжении такого отрезка времени вызвать некое значимое действие, большее, нежели просто временный эффект, казалась чем-то, что они никогда не предполагали.

И в этом обществе, где доминируют мужчины, часто комментировался и очевидно имел решающее влияние тот факт, что мужчина и женщина могут комфортно работать вместе как отдельные и различные индивиды, не соревнуясь между собой.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы почувствовали, что узнали очень много о нуждах и заботах советских граждан-профессионалов. Стало поразительно ясно, что их озабоченности очень

незначительно отличаются от озабоченностей, ощущаемых сходной профессиональной группой в Соединенных Штатах. Было более чем очевидно, что профессионал в Советском Союзе испытывает теплые чувства к Соединенным Штатам, интересуется тем, что мы можем дать им, изголодался по общению с американцами, жадно поглощает любую литературу - как профессиональную, так и любую другую, - которую мы смогли привезти, и ничего так не желает, как мира между нашими двумя странами. Столь же очевидно, что они хотят получить признание за собственные вклады в своих областях. Нам было важно узнать, что психологический климат, вызывающий определенные предсказуемые результаты в США, Латинской Америке, европейских странах и Южной Африке, вызывает те же самые предсказуемые результаты в Советском Союзе.

Мы очень много узнали о чрезвычайном разнообразии культур существующих в Союзе Советских Социалистических Республик. Мы приобрели глубокое уважение к российской истории, восходящей к очень отдаленным временам. Мы осознали, что в советском гражданине живет гораздо более глубокий страх войны, нежели тот, что существует в Соединенных Штатах, страх, который основан на совершенно недавних событиях. Например, во время блокады Ленинграда, за 900 ее дней умерло 900 тысяч человек, как военных, так и гражданских. Наш гид в Ленинграде, весьма одаренная молодая женщина сказала, что ее мать оказалась единственной выжившей из всех ее родственников. Все остальные умерли или были убиты во время блокады. У нас, в нашей истории нет ничего, что можно было бы сравнить с этим.

В БУДУЩЕМ

Мы уезжали с верой в то, что если будет следующая поездка в Советский Союз, то в ней примет участие широкий круг американских граждан, обладающих высоким статусом и представляющих все оттенки политического спектра, с тем, чтобы встретиться в интенсивной группе со столь же широким кругом высокостатусных советских граждан. Помогать фасилитировать такую встречу будет настоящей привилегией. Если подобная программа будет реализована, то теперь мы сможем отобрать несколько советских фасилитаторов для совместной работы с нами. Такого продолжения и развития нашего визита остается лишь желать.

1 - C. Rogers. Inside the World of the Soviet Professional // Journal of Humanistic Psychology, Vol. 27, No. 3, Summer 1987, 277-304. Перевел с английского Орлов А.Б.

Эта статья представляет собой совместный отчет о работе, проведенной Карлом Роджерсом и Рут Сэнфорд. Отчет написан главным образом Карлом Роджерсом, однако оба автора (Карл и Рут) внесли в него свой вклад. - Прим. авт. Публикуется в соответствии с волей К. Роджерса (см., р. 304). - Прим ред. Перепечатано из журнала "Мир психологии", 1996, №3, с разрешения редколлегии и переводчика.

2 - Соединенных Штатах нет ничего, что соответствовало бы различным институтам в

Советском Союзе. Они являются научными подразделениями университетской системы и правительства. Слово наука имеет в Советском Союзе чрезвычайное значение. Однако оно понимается несколько иначе, нежели в США. По моему впечатлению, любая строгая академическая работа является "научной". Любые разработки в области теории также являются научными. Эмпирические исследования не обладают, по-видимому, таким высоким приоритетом, как это имеет место в Соединенных Штатах, но они также до некоторой степени проводятся этими институтами. - Прим. авт.

З - Здесь и далее - курсив автора. - Прим. ред.

Библиотека Центра психологического консультирования ТРИАЛОГ
www.trialog.ru